Шоу продолжается

Автор:
Михаил Панферов

Шоу продолжается

Михаил Панферов

Что общего у работников самого обычного провинциального военкомата с магией Вуду? Что может сказать о вас ваша собака? К чему может привести обычный выезд на природу или встреча с маленькой девочкой на обочине дороги? Есть ли на Том свете кино и как записать лучший музыкальный хит всех времен и народов? Это и многое другое в новой книге веселых и серьезных рассказов питерского прозаика М. Панферова. «Шоу продолжается» – книга для тех, кто умеет видеть чудеса в повседневной жизни.

Михаил Панферов

Шоу продолжается

МУСОРЩИК

Был полдень. Солнце начинало припекать все сильнее. Девочка лет шести в зеленом сарафанчике с крупными горошинами шла вдоль обочины, путаясь сандалиями в пыльной траве. За собой она волочила плюшевого медведя только чуть-чуть поменьше нее самой. По трассе из Богучара в Урбины летели автомобили, обдавая ее упругими волнами теплого воздуха, ероша ее белые растрепанные волосы. Судя по пыли, покрывшей ноги малышки серым загаром, шла она довольно давно, но, кажется, совсем не устала. Растерянной, испуганной, заплаканной она тоже не выглядела. Наоборот, спокойствие и уверенность во взгляде девочки наводили на нелепую мысль: она точно знает, куда идет, и уж если решила в одиночку прогуляться по дороге в полусотне

миль до ближайшего города – значит, так и надо.

Любому, кто проезжал в этот жаркий день мимо, трудно было не заметить неторопливо бредущую по обочине кроху с медведем. Одни предпочитали не останавливаться. Другим, последовать их примеру не позволяла совесть, воспитание, религия или что там еще обычно движет человеком…

Аделаида Добрчаст – учительница словесности в государственной мужской гимназии им. принца Стефана, конечно, относилась ко второй категории. Стоило только пани Аде заметить у дороги девочку, ее старенький фольксваген дернулся, взвизгнул, описал на асфальте крутой зигзаг и стал, немного заехав на обочину, в нескольких футах от ребенка.

Аделаида ехала из Богучара от отца. Старый маразматик как всегда нализался бренди и обвинил ее во всех смертных грехах… По дороге она все еще проговаривала про себя аргументы, не высказанные в пылу ссоры, и копила на отца обиду. Параллельно она думала о коллекторах, которые позавчера опять звонили насчет кредита. О том, что в пятницу, на празднике Труда историк Басковиц опять будет делать вид, что ее не существует в природе. Что придется как обычно сидеть, слушать трескотню этих старых дур Немилы и Виктимии, и напиваться. Что с ее лишними тридцатью семью фунтами уже точно ничего не поделаешь: нет, она, конечно, не ест тортики на завтрак обед и ужин, – она вообще ничего не ест. Только это не работает, что бы там ни писали в пабликах «Я не толстая!» и «Похудеть легко!».

«Ничего не получается. Да и жить, откровенно говоря, тоже не получается…» – сокрушалась про себя Аделаида, но тут увидела ребенка на дороге и все мысли как ветром сдуло:

– Детка, ты здесь откуда?! – спросила она, выходя из авто. Девочка остановилась, посмотрела на Аду, но ничего не ответила.

– Как тебя зовут?

Молчание.

– Твои мама с папой… они, наверно, где-нибудь здесь? Недалеко?

Кроха помотала головой.

– Ты… потерялась? Ты тут совсем-совсем одна? Кошмар какой! Ребенок на дороге!.. – Минут десять пани Ада пытала девочку, в надежде разузнать, кто она, куда идет, куда делась ее мама (папа, бабушка, дедушка, братья, сестры), но безуспешно. Попробовала позвонить в милицию и службу спасения, но тоже безуспешно: не было сигнала.

– Ох, да что же мне с тобой делать-то, чудо белоголовое?..

Белоголовое чудо не ответило. Зато щербато улыбнулось, открыло дверь, запихнуло на заднее сиденье медведя, а потом забралось само.

– Ладно, – решила Ада. – Поедем. – кажется, ближайший пост дорожной милиции в паре миль отсюда. Там что-нибудь придумаем. – Села за руль и почти сразу успокоилась. В милиции ведь служат мужчины: разбираться с потерявшимися девочками – их работа.

Она курила, рассеянно поглядывая на дорогу, и о девочке уже почти не думала. Были вещи поважнее, например, то, что в следующем году ей как-никак будет сорок, а она никому не нужна, кроме алкаша папаши… Ну и ладно: ей тем более никто не нужен. Ее окружают одни умственно отсталые уроды, особенно это касается гимназистов четвертого класса и большинства коллег по работе, которым, к счастью, тоже…

И тут все изменилось… пани Добрчаст вскрикнула от неожиданности, выписала новый зигзаг на асфальте, резко затормозив, чуть не въехала в фонарный столб:

«…которым, к счастью, тоже… тоже, что? Бред какой! Зачем я об этом думаю? Это вообще мои мысли? Что за идиотизм?..». Аделаида вдруг поняла: главный умственно отсталый урод в ее жизни – это она сама, которая столько лет жила как унылое насекомое. Только обычного сожаления эта мысль не вызвала: ведь в ее же собственных силах было все исправить! Само собой, об этом ей каждый день кричали все статьи интернет-психологов, все посты мотивирующих пабликов: «Ты можешь больше!», «Ты королева!» и «Как я заработала свой первый миллион за три дня». Но если раньше это были просто слова, то теперь… Теперь она и в самом деле могла объехать весь мир, написать книгу, изучить боевые искусства в шаолиньском монастыре, выйти замуж хоть за историка

Басковица, хоть за принца крови, стать хоть директором гимназии, хоть лицом с обложки журнала, хоть президентом Республики… Она даже знала, как это сделать. Она могла абсолютно все, стоило только захотеть. Она ничегошеньки не боялась и не сомневалась в себе ни капли. Причем, это было не самовнушение и даже не сон.

Ада чувствовала себя очень легко. Совсем как рыцарь, который вернулся из похода и наконец-то стащил с себя ненавистный доспех. Не было одышки и головной боли, не ныло в груди, даже проклятых тридцати семи фунтов – и тех как не бывало – джинсы и розовая блузка болтались на ней как на вешалке. Она помолодела лет на двадцать: была такой же, как когда их с Ипатом Козелом объявили королем и королевой выпускного бала. Аделаида пару минут рассматривала себя во всех зеркалах, потом выскочила из машины, несколько раз обежала фольксваген кругом и только теперь вспомнила о девочке. Заднее сиденье было пустым.

***

Велимир Гвойзда, актер театра Новой драмы им. крепостного комедианта Йозефа Лярвы ехал домой из столичного телецентра. Приняв предложение продюсера, сраженного наповал его типажом, Гвойзда явился на съемки шоу «Магический поединок». Целый месяц он играл медиума-шарлатана, который в итоге не смог установить с человеком на фотографии ментальный контакт и безнадежно продул своему мефистофелеподобному сопернику в третьем туре. Что ж, конечно не король Лир, зато, кое-какие деньги. Съемки научили Гвойзду делать пассы, изображать судорогу лицевого нерва в момент наивысшей концентрации психической энергии, супить брови, заглядывая в хрустальный шар. Но… Когда он увидел на обочине дороги маленькую девочку и почувствовал, кто она на самом деле, его челюсть буквально отвисла. Такого он от себя не ожидал:

– Эй!.. ты ведь… не человек! Что ты здесь делаешь?! – крикнул актер, давя на педаль тормоза. Причем, крикнул он это не ртом: рот у Гвойзды был по-прежнему открыт.

***

Солнце неторопливо клонилось к западу. Девочка все так же шла вдоль обочины, волоча с собой за ухо плюшевого медведя, который как будто стал еще больше. За этот день ей довелось прокатиться в двадцати двух разных машинах, причем каждый водитель или пассажир пережил примерно то же самое, что и пани Аделаида. А плюшевый медведь рос и толстел…

В который уже раз за сегодня послышался визг тормозов. Язык, на котором ее окликнули, состоял не из слов. Больше всего он был похож на внезапное понимание, идею, схваченную еще до того, как она упростилась и стала словом. В нескольких футах от девочки, облокотившись на капот вишневого сааба, стоял высокий старик с длинными седыми волосами. Он был в ковбойских сапогах, джинсах, замшевом пиджаке, и напоминал деда Мороза в отпуске.

«Ты… «видишь»?»

Гвойзда влез обратно в кабину и поманил малышку рукой. Когда она подошла, кивнул на сиденье рядом с собой. Девочка послушно села. Попыталась впихнуть себе на колени медведя, но он не уместился: пришлось посадить его рядом, на асфальт.

«Откуда ты?»

Кроха указала глазами куда-то наверх:

«Значит, ты «видишь»».

«Как видишь,» – усмехнулся старый актер. – «Точнее, кто бы мог подумать. Кстати, как тебя зовут?»

«Меня?» – девочка задумалась. – «По-вашему будет… Мусорщик. Да, меня зовут Мусорщик».

Старик усмехнулся в седые усы:

«Странное имя для ребенка. Ты собираешь мусор?»

«Да.» – кивнула она на своего огромного медведя. – «Я собираю то, что вам не нужно. Вот в этот контейнер».

«То, что нам не нужно? И что же это, интересно?»

«У вас есть грубая энергия: она дает вам свет, тепло. От нее работают ваши устройства. Наш мир не такой, как это сказать?.. Не такой плотный как ваш. Но нам тоже нужна грубая энергия. Поэтому мы берем мусор из вашей головы: энергию ваших негативных эмоций. И наполняем свои… батарейки. Страхи, сомнения, болезни, все остальное – вам это не нужно. А для нас это источник грубой энергии. Самый мощный».

Гвойзда долго молчал, переваривая информацию. Наконец, невесело улыбнулся и спросил:

«Ну а почему тогда вокруг так мало свободных и счастливых?»

«Ты не понял?» – вздохнула Мусорщик. – «Мусорная энергия очень мощная. Страха двух человек хватает половине нашего мира на несколько… ну, скажем, лет: в ваших головах слишком много мусора».

***

Преподобный Ромуальд Челошибич, приходский священник храма св. Норны ехал по делам паствы в Богучар. Неподалеку от села Новые Пряхи он остановился справить нужду и заметил дедушку с внучкой, сидевших в машине у обочины с противоположной стороны. С ними творилось что-то неладное: сначала у старика почернели его седые волосы. Потом девочка и ее плюшевый медведь просто растаяли, исчезли. Не дожидаясь продолжения, о. Ромуальд так дал по газам, что из-под колес черного джипа чиркнули искры. Только через пару миль, он наконец, заглушил мотор, перекрестился, достал из кармана плоскую флягу и аккуратно вылил ее содержимое за окно.

7-8 янв. 2018

СПАРЖА ВОСПРИЯТИЯ

Этим жарким летом в гараже папаши Дуга мы, как сказал бы классик американской литературы[1 - Кен Кизи (1935–2011), автор романов «Пролетая над кукушкиным гнездом», «Порою блажь великая…» и пр. – один из столпов психоделической культуры 60-х годов.], делали свою вещь. А как сказал бы Дуг, преобразовывали творческие вибрации в чистое психоделическое сознание. Вот он, кстати, Дуг Санчес – чувак с черным хайром почти до пояса и с бородищей как у пирата – хлоп-хлоп по струнам своего баса. Он настоящий гигант духа, хотя иногда гонит так, что вообще никто не врубается. Разве что, под кайфом. Чел за фарфисой[2 - Электроорган итальянского производства.] – рыжий, с усами подковой – это Лэнни. Главная вещь, которую делает Лэнни Хэммонд – это ищет наш тот самый звук. «Чуваки», – говорит Лэнни, – «если мы найдем тот самый звук – девчонки будут выпрыгивать из штанов». Правда, сомневаюсь я, что Лэнни когда-нибудь этот звук найдет: по ходу его больше прикалывает сам процесс. Вон там, за Дугом и Лэнни, – чувак с баками как у Питера Фонды[3 - (Род. 1940). Американский актер, режиссер, сценарист, снявшийся в знаковых для психоделической культуры фильмах «Трип», «Беспечный ездок» и др.], который наяривает на барабанах, – это Барт Шмулермэн. Единственный из нас, кто учился музыке. Хотел даже в консерваторию, но прочел книжку Тимоти Лири[4 - (1920–1996). Еще один из столпов психоделической культуры, профессор психиатрии, сторонник психотерапии с использованием ЛСД, автор книг «Психоделический опыт», «Семь языков бога» и пр.] и передумал. Барт врубается в такие штуки, как триоли, синкопы и прочая муть, причем частенько этим кичится. Но мы его не бьем: как-никак он тоже наш брат. Вот эта светленькая крошка с микрофоном, вся в цветочках и феньках, – это наша Грейс Слик[5 - (Род. 1939). Вокалистка группы Jefferson Airplane – автор хита «White rabbit» и др.]: Нэнси Резерфорд зовут эту цыпочку, и она, скажу по секрету, еще никому из нас не дала. Ну, и вот это черный парень с гитарой, похожий на Хендрикса[6 - (1942–1970). Гитарист-виртуоз, левша, считающийся лучшим гитаристом всех времен и народов.], это я: Джонни Хамбэкер. Правда, вместо стратокастера у меня стремное изделие фирмы «Хармони» и играю я хуже, чем «Джаентс»[7 - Бейсбольная команда.] в этом сезоне. Кстати, совсем забыл сказать, кто такие мы. Мы – рок-группа «Спаржа восприятия».

Жарища в гараже невыносимая. Настроение у всех – паршивее некуда. И вот почему: неделю назад Дуг познакомился в баре с одним продюсером из Эл-Эй.[8 - Из Лос-Анджелеса.] Питер Фэйк, кажется, его звали. Само собой, наш Дугги

основательно навешал ему лапши, будто «Спарже восприятия» ни «Двери», ни «Лифты»[9 - Культовые группы из Калифорнии «The Doors» и «The 13

Floor Elevators».] в подметки не годятся, что наша музыка – это прорыв, новое слово и так далее. Дуг – он гнать-то гонит, но уболтать может любого. Вот и этот Фэйк загорелся нас послушать. Наутро ему надо было возвращаться в Эл-Эй, и он оставил Дугу свой адрес в Беверли, чтобы мы прислали ему запись. Сказал: если мы и вправду так круты, нас ждет слава. Когда Дуг нам все это выложил, мы выскочили из гаража и давай его качать, и орать: «Да здравствует мистер Санчес! Наконец-то мистер Санчес сделал что-то путное!».

Никакой записи у нас, конечно, и в помине не было. Мы и песню-то долго не могли выбрать: вся наша трансцендентная вещь вне стен гаража на Черри стрит казалась полной лажей. В конце концов остановились на новой песне Дуга «Неверлэнд». Насчет записи тоже все срослось: приятель Лэнни свел нас со звукооператором студии «Рэйнбоу Эйсид Рекордс». Тот сказал, что за 50 баксов готов записать нам сингл, если мы сыграем с первого дубля. Если нет – будет дороже. Мы уже собирались идти аскать, но тут вмешался Барт. Шмулермэн младший решился на сделку с совестью: ночью позаимствовал кое-что прямо из кассы магазинчика родного папаши, конечно же, побожившись своему Иегове, что все вернет. Теперь, для покорения калифорнийской рок-сцены у нас было все. Вернее, почти все. Не хватало самой малости: уверенности, что мы не облажаемся и не только сыграем песню с первого дубля, но сыграем круто.

В студии нас ждут сегодня к вечеру, и мы репетируем. Буквально из кожи вон лезем, потеем, надрываемся, а выходит лажа. Один Дуг не согласен: говорит, сырой звук – это крик рождающегося в муках бога. Может, оно так и есть, только мне до лампы. По мне, в песне не хватает клевой гитарной партии. Я ее даже слышу у себя в голове, но изобразить своими корявыми пальцами, будь они неладны, не могу. Такая засада. Просто выть хочется: ничего путного мы явно сегодня не запишем, а виноват будет криворукий малыш Джонни. А тут еще эта язва Барт подначивает: «скорее, мол, Вашингтон возьмут красные, чем наш ниггер что-нибудь стоящее слабает». И еще советует, гад: «Джонни, ты же черный – топай на перекресток, продай душу дьяволу, как там принято у твоих соплеменников, метящих в великие блюзмены». Мне хочется его убить тяжелым тупым предметом. Например, изделием фирмы «Хармони». И себя заодно.

В общем, все меня жестоко стебут, а я готов сквозь землю провалиться. И тут малышка Нэн такая: «Люди, достали! Лучше сообразите чего-нибудь холодненького: жутко пить хочется. Вам нет?» В раскаленном гараже пить, конечно, хотят все до одного. Дуг говорит: «Без проблем!», и пока я скорбно насилую гитару, притаскивает с папашиной кухни почти галлон апельсинового сока. Интуиция у нашей цыпочки Нэн работает, что надо. Ей этот огромный кувшинище сразу кажется подозрительным: «Дуг, говорит, а это точно просто сок?» Вид у мистера Санчеса самый невинный: «Ну, а ты, мол, а как думаешь, Нэн?» «Никак не думаю», – говорит наша цыпочка, и пускает в мой огород нехилый камешек: «Помнится, когда просто сок был в прошлый раз, Джонни ут?пал пешком в Парк, догнался там с кем-то дурью и еле ушел от копов». Но Дуг гарантирует: «Нэн, детка, это просто сок».

Спорить никому не хочется. Хочется пить. Мы быстренько приканчиваем кувшин и продолжаем мучить нашу вещь. С каждым разом получается все хуже: я уже готов и вправду идти на перекресток ловить черта, как вдруг слышу дичайший крик: «Дуг, твою маааать!!!» И тут же в спину мистера Санчеса летят барабанные палочки: «Почему мои ударки сияют, как семисвечник на Хануку?!» Крошка Нэн немедленно взрывается: «Значит, просто сок, да?!» И взгляд у нее как у судьи штата, который выносит приговор подростку с марихуаной. Лэнни тоже: «Дуг, ты долбанный нацист!» Я смотрю на подъемные ворота гаража, а секции, из которых они сделаны, плавно колышутся вправо-влево. И все такое четкое, яркое, как будто я очки надел, и не жарко ни капельки, только во рту суховато. Так и есть: Дугги забабахал в сок лошадиный дозняк кислоты. Мы все глядим на мистера Санчеса как техасские фермеры на нашего волосатого брата, а ему хоть бы что. Сияет, будто бампер у кадиллака и говорит: «Забейте, народ, хорош париться! В таком напряге никакую вещь не сделаешь: это, мол, гасит вибрации и закрывает каналы связи, а надо, чтобы мы расслабились и отпустили. Надо, мол, увидеть звук изнутри – только тогда он станет молекулой чистого Духа и все попрет. А-то когда мы снаружи, получается одна духовная лоботомия…».

Прикол в том, что мы сразу согласились: один черт теперь со всех сторон полнейший облом. Поиграешь тут, когда перед тобой из красно-синего дождика вспучивается Изумрудный город. Да и изумрудная Дороти–Нэнси тоже тут как тут: водит перед лицом рукой вправо – влево, а та оставляет в воздухе яркий размазанный след, что твоя трассирующая пуля.

Не помню, кто предложил идти гулять, но возражений не было. Мысль о палеве перед соседями с Черри стрит, и даже о том, что миссис Крайстхэд наверняка кинется звонить копам, никому и в голову не пришла. Поднимаем мы гаражные ворота и высыпаем всей нашей пестрой волосатой компанией на солнышко. Улица прямо как в мюзикле про Мэри Поппинс, только еще ярче: с синей, красной и зеленой иллюминацией, что твой ночной Вегас. Идем, прикалываемся, перебрасываем друг другу фантомные шарики. Нэнси кричит: «Народ, кто со мной в Диснейлэнд?». Смотрю – и вправду: впереди каменный мост с факелами, а за ним – замок Спящей красавицы. Мы к замку, а он от нас. Я только раза с пятого воткнул, что мы бегаем туда-сюда по холму возле дома мистера Уилкинса, а вот и он сам – высунулся из окна и орет как резаный: «Вон отсюда, чертовы гомики!!! Совсем с ума посходили!!!»

Все топают куда-то дальше, а я отстаю. Под кислотой такое случается: мыслью ты уже далеко, а тело за тобой просто не поспевает. Думаешь, успел перебежать дорогу, а на самом деле лежишь себе под колесами вон того старенького форда… Не дай бог, конечно. И тут я врубаюсь, что стою на перекрестке Черри стрит и Двадцать пятой авеню, а рядом какой-то зеленый чел. То, что он зеленый – это нормально: я, наверно, и сам такой же. Тем более, он вроде как из наших – хайр, рубаха навыпуск, джинсы клеш, а в руке косяк. Только с лицом что-то стремное: сначала я подумал – глаза сверху и снизу, а посередине рот. Потом присмотрелся – физиономия как будто стекает с черепа густой резиновой пастой, а из-под нее еще одна проглядывает – поменьше. Ухмыляется в черную бороду, и говорит: «О, мир, чувак!»

Я спрашиваю: «Ты кто?» А он ржет и отвечает: «Сатана, естественно. Разве не видишь, что мы на перекрестке тусим?» Во, думаю, попал, и стою туплю. А он: «ну что, говорит, хочешь крутую партию гитары в «Неверлэнде»?» Я ему: «А не гонишь?» А он: «Нафига, брат? Ко мне, говорит, многие из ваших приходили: Хендрикс, например. А теперь на него посмотри! Красавец!» Охренеть, думаю, а самому стремно: «Это значит душу тебе, и договор кровью?» Он меня по плечу хлопает и смотрит этак ласково всеми четырьмя парами глаз: «Не парься, мол, я не такой, я же из ваших – мир, любовь, чувак! Нафига мне твоя душа? я сам против войны во Вьетнаме и за то, чтобы все было в кайф. Просто говори: хочешь или не хочешь?» Еще бы я не хотел! Киваю ему, а он: «на, мол, пыхни». И косяк мне протягивает…

Что было потом, я помню фигово. Как будто вырубило меня, что твой комбик. Помню только, под вечер мы в полном составе погрузились в кадиллак папаши

Дуга и поехали на студию, а Лэнни всю дорогу повторял: «Народ, ущипните меня за задницу, это бомба!»

***

Кстати, ровно через неделю бандероль с нашей пластинкой вернулась обратно. С пометкой, что по указанному адресу никакой Питер Фэйк в Беверли Хиллз не проживает.

***

– Майк, ты понимаешь, что для того, чтобы поменять хоть одну позицию в Топ-500 нужна не просто особая причина, а экстраординарная? – спросил главный.

– Джефри, можно подумать, ты меня плохо знаешь.

Разговор происходил в октябре 20… года в офисе одного из солиднейших музыкальных журналов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кен Кизи (1935–2011), автор романов «Пролетая над кукушкиным гнездом», «Порою блажь великая…» и пр. – один из столпов психоделической культуры 60-х годов.

2

Электроорган итальянского производства.

3

(Род. 1940). Американский актер, режиссер, сценарист, снявшийся в знаковых для психоделической культуры фильмах «Трип», «Беспечный ездок» и др.

4

(1920–1996). Еще один из столпов психоделической культуры, профессор психиатрии, сторонник психотерапии с использованием ЛСД, автор книг «Психоделический опыт», «Семь языков бога» и пр.

5

(Род. 1939). Вокалистка группы Jefferson Airplane – автор хита «White rabbit» и др.

6

(1942–1970). Гитарист-виртуоз, левша, считающийся лучшим гитаристом всех времен и народов.

7

Бейсбольная команда.

8

Из Лос-Анджелеса.

9

Культовые группы из Калифорнии «The Doors» и «The 13

Floor Elevators».

Купить: https://tellnovel.com/panferov_mihail/shou-prodolzhaetsya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити